

ВРЕМЯ и МЫ

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ**

Десятый год издания

**Выходит один раз
в два месяца**

**81
1984**

НЬЮ-ИОРК—ИЕРУСАЛИМ—ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" — 1984

Марк АЛДАНОВ

Идя навстречу сорокалетию победы над гитлеровской Германией, мы публикуем отрывки из записных книжек писателя Марка Алданова. На первый взгляд, перед нами — не более чем наброски портретов крупнейших политических деятелей того времени — Черчилля, Сталина, Гитлера, Чемберлена. Но эти наброски сопровождаются столь меткими наблюдениями автора, что приобретают современное звучание и помогают нам лучше понять истоки сегодняшней политики в мире.

МИР ПОСЛЕ ГИТЛЕРА

Из записных книжек

В последнем томе своих воспоминаний Черчилль говорит: он желал бы, чтобы потомство о нем судило по его (всем известному) обращению к президенту Трумену. В этом обращении были им в первый раз употреблены слова "железный занавес". У него всегда была любовь к стилю, к удачным запоминающимся выражениям. Он в самом деле человек исключительно одаренный и в литературе. Но скажем правду: в словах "железный занавес", если даже он их автор (это, кажется, оспаривалось), ничего замечательного не было: слова как слова. Документ же действительно был важный.

Однако по пронизательности и по сжатости мысли еще более важна и интересна его коротенькая телеграмма от 11 мая 1945 года Идену, который тогда в Сан-Франциско разрабатывал устав Объединенных Наций. Привожу эту телеграмму целиком:

"Сегодня газеты сообщили, что начинается в значительных размерах и будет продолжаться из месяца в месяц увод аме-

риканских войск (из Европы, — М.А.). Что мы будем делать? Скоро начнется сильное давление и здесь (в Англии), чтобы мы произвели частичную демобилизацию. Очень скоро наши армии растают. Русские же могут, имея сотни дивизий, остаться хозяевами Европы, от Любека до Триеста и до греческой границы на Адриатическом море. Это гораздо важнее, чем поправки к мировой конституции, которой, очень может быть, вообще не будет и которая рискует быть сметенной после периода затишья третьей мировой войной”.

Больше ничего. Но написано это было через четыре дня после капитуляции Германии. Как раз в те дни между Лондоном и Москвой происходил обмен самыми горячими поздравлениями и приветствиями. Черчилль “от глубины души” желал всякого счастья Сталину и поручал своей жене, которая тогда находилась в Москве, “передать эти слова дружбы” и заверить Сталина, что он часто о большевистских вождях (“обо всех вас”) думает (последнее заверение было, впрочем, чистой правдой). В этой телеграмме была и литература, и даже поэзия (“Долина мрака, через которую мы прошли вместе”... “Великое солнце победного мира”). Сталин отвечал еще более нежно британскому премьеру. Несколько раньше телеграфировал ему: “Г-жа Черчилль произвела на меня сильнейшее впечатление. Она передала мне и ваш подарок. Позвольте от души вас поблагодарить”.

В телеграмме же Идену никакой поэзии не было. Уже через месяц-другой после совещания в Ялте Черчилль освободился от иллюзий, будто можно в чем-то верить Сталину. Правда, от этой иллюзии он мог бы освободиться и раньше. Но телеграмма от 11 мая 1945 года поистине замечательна. Это крик отчаянья: дело идет к третьей мировой войне, а вы занимаетесь ерундой!

Интересно и то, что о демобилизации Черчилль узнал из газет. Сам он никакого выхода и не предлагал. Просто: “Что мы будем делать?”

О ГОСТЕПРИИМСТВЕ

В Ялте на конференции 1945 года гостеприимство было сказочное. Элеонора Рузвельт в своих воспоминаниях ("This I Remember") пишет: "Франклин всегда рассказывал о необыкновенных банкетах, устраивавшихся русскими вождями; количество еды и особенно напитков произвело на него сильное впечатление". Еще больше был поражен Черчилль. С восхищением описывает он и Воронцовский дворец. Кто-то в британской делегации сказал, что во дворце есть великолепный стеклянный аквариум, но без золотых рыбок. Через два дня были доставлены золотые рыбки.

Другой англичанин вскользь упомянул, что любит добавлять к коктейлю лимон. На следующий день в вестибюле оказалось дерево с лимонами, откуда-то доставленное на аэроплане. "Их расточительность (в гостеприимстве) переходит все границы", — телеграфирует Черчилль своему заместителю в коалиционном кабинете Эттли.

Имеет ли значение гостеприимство на конференциях? Некоторое значение, конечно, имеет. Преувеличивать не надо, вино и хорошие обеды можно иметь и без конференций. И все-таки что-то они меняют, особенно в наше время. Наполеон за обедом оставался четверть часа и почти никогда не пил.

Черчилль сам рассказывает, что через месяц после Ялтинской конференции он в Файюмском оазисе завтракал с королем Ибн-Саудом. Его арабы предупредили, что за завтраком будет подаваться из напитков только вода, привезенная королем из Аравии; пить же вино и курить в присутствии короля нельзя. Британский премьер через переводчика ответил (цитирую дословно) : "Если религия Его Величества запрещает ему курить и пить спиртные напитки, то я должен довести до его сведения: правило моей жизни сделало для меня самой священной обязанностью курить сигары и пить спиртные напитки перед завтраками и обедами, после завтраков и обедов, а также в случае необходимости во время завтраков и обедов и в промежутках между ними". Король изъявил согласие "благожелательно".

Когда дипломатические переговоры ведутся по почте, по телеграфу или через послов, уточнить свою мысль, определить свои условия, сказать "нет", конечно, много легче, чем устно, да еще при сказочном гостеприимстве и таком же радушии. Опять-таки преувеличивать не надо, но человек человека даже видит на таких банкетах несколько по-иному. На президента Рузвельта, видимо, действовало именно "радушие" Сталина. Покойный президент, большой человек, должен был знать толк в людях: почти все его назначения, особенно военные (Маршалл, Эйзенхауэр, Нимиц) были превосходны. Однако он сказал одному из своих министров: "Я люблю Сталина и, думаю, что он меня любит". (I like him and I think he likes me). Этому было бы трудно поверить, но то же самое говорит о своем муже Элеонора Рузвельт: "Он действительно любил маршала Сталина".

Что же сказать о государственных людях, пьющих двадцатый по счету бокал? Бессмысленно было бы утверждать, что государственные дела решались людьми в нетрезвом виде. Всё же и "винные пары" иногда надо принимать во внимание. Вероятно, Черчилль без колебания признал бы дураком всякого, кто стал бы его попрекать вздором и ложью его тостов — "Да как же иначе!.." По-видимому, в застольных речах он порою говорил первое, что ему приходило в голову. Приблизительный смысл одного его тоста: ему легче жить и работать при мысли о Сталине. (Для сравнения: в своих воспоминаниях он где-то называет Сталина "мой страшный гость".) Скажу и тут, что у великих политических мастеров прошлого и этого было меньше. Или, может быть, потому что тогда застольные речи не стенографировались, да и печатались много реже? Все же есть вранье и вранье. На последнем обеде в Ялте Черчилль долго говорил о том, как он счастлив и рад своей тесной дружбе "с этим великим человеком", слава которого наполняет не только Россию, но и весь земной шар". Сталин не остался в долгу и поднял свой бокал "за здоровье главы британской империи, самого мужественного человека на земле... Такие люди, как он, рождаются раз в столетие". И перейдя к будущим отношениям между союзниками, добавил

уж совершенно бесстыдно: “Ведь я наивный человек. Я думаю, что нельзя обманывать союзника, даже если он дурак. Если наш союзник так крепок, то ведь это потому, что мы друг друга не надуваем”.

По-видимому, неверно, что Сталин на банкетах пил мало. Перед ним действительно ставили маленькую рюмочку, но, во-первых, тостов иногда бывали десятки, а во-вторых, Черчилль позднее это заметил и наливал ему коньяком полные стаканы (“стаканы для бордо”).

Задушевные разговоры происходили и без всяких банкетов и “винных паров”. Однажды Рузвельт поделился со Сталиным беспокойством: “Что произойдет в мире после того, как они оба и Черчилль умрут?”

— У себя в стране я все устроил. Точно знаю, что произойдет в России, — ответил Сталин.

Все-таки не очень устроил и не очень точно знал. Уж расстрела Берии он, наверное, не предвидел, как и не предвидел некоторой перемены отзывов о нем в советских книгах.

Дальше следовало импровизированное “уточнение”. Что будет? Америка немного полевеет, Россия немного поправеет. “Мы приблизимся к некоторым вашим взглядам, вы, быть может, примете некоторые наши взгляды!”

Еще “мелочь”: он в разговорах с союзниками говорил не “Ленинград”, а “Петербург”. Так, Ленин до конца своих дней писал по старой орфографии.

ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ ДРУГОГО ЛАГЕРЯ

Эти отношения были тоже живописны, но в совершенно другом роде.

Итальянский министр иностранных дел Чано едет в ставку Гитлера; он заменяет своего тестя, заболевшего Муссолини. Великолепный экстренный поезд, свита, у каждого сановника свой салон-вагон, превосходная кухня в вагоне-ресторане, свежие цветы на каждом столике. Чано, совершенный невра-

стеник, много говорит, преимущественно о немецких сановниках:

“Этот дурак!”... “Тот дурак!..” “Эти идиоты немцы”... “Эти кретины немцы...” “Этот разбойник Риббентроп”. “Этот преступный фюрер!”..

Тут же находится германский посол фон Маккензен. Он старательно делает вид, что не слышит. — Поверить трудно, но рассказывает очевидец, итальянский дипломат, издавший очень правдивый дневник. Правда, дело было уже в пору германских военных неудач.

К сожалению, дипломат не описывает свидания Чано с Гитлером: он не присутствовал, был только переводчик. Зато кратко передает “атмосферу” ставки: “Похоже на дом умалишенных в гиблом месте. Каждый все время чувствует себя так, точно сейчас будет предан военному суду за измену”.

Наконец, министр выходит из кабинета. Разговор ничего не дал. “Впечатление от Чано: он совершенно потерял самообладание. Не может сидеть спокойно, то встает, то снова садится. Шутит, потом темнеет, внезапно приходит в ярость, пробует рассуждать и раздражается ругательствами. Все время повторяет: “Ничего сделать нельзя, немцы ничего не желают слушать, они проиграли войну”.

Все же подарками обе стороны еще обменивались. В 1943 году, в день рождения Геринга итальянский король прислал ему орден, осыпанный бриллиантами, и золотой меч, прежде предназначенный для короля Зогу. Бриллианты ордена стоили семьсот тысяч лир, меч — миллион. “Во всяком случае очень полезные подарки”, — добавляет итальянский дипломат.

В противоположном лагере люди тоже обменивались подарками, но недорогими, да и те обычно тотчас же передавались музеям. Были, однако, и исключения.

Перед приездом Ибн-Сауда в Файюмский оазис заведующий церемониальной частью сказал Черчиллю, что королю надо сделать подарок. Черчилль не расщедрился, ассигновал на это сто фунтов и велел купить “роскошный ларец с духами”, — в этом, верно, был “восточный стиль”. Вышел конфуз, Ибн-

Сауд привез Черчиллю меч, усыпанный бриллиантами, "и еще другие великолепные подарки", а его дочери Саре — огромный чемодан; когда крышка была поднята, в чемодане оказались изумительные арабские платья, редчайшие духи и полдюжины футляров — в первом был бриллиант (ярлык с ценой не был снят: 1200 фунтов); в другом — жемчужное ожерелье и т.д. Вернувшись в Лондон, Черчилль доложил об этом правительству, отдал все драгоценности казначейству для продажи, а на вырученные деньги купил "самый прекрасный в мире автомобиль" в подарок Ибн-Сауду.

Тут сравнение бесспорно в пользу правителей нового времени. В старину подарки не отдавались ни казначейству, ни музеям, да и были они часто денежными. Баррас в четвертом томе своих воспоминаний с завистью приводит список "дипломатических начав", полученных в разное время Талейраном. Итог составляет 117.690.000 франков. Другие говорят только о шестидесяти миллионах.

* * *

Гитлер в дополнение к другим своим бесспорным дарованиям, был еще замечательный имитатор. Юнити Митфорд, столь с ним дружная, восторженно говорила, что как имитатор он на сцене мог бы зарабатывать огромные деньги. В тесном кругу он подражал Герингу, Геббельсу, Гимлеру, но всего охотнее и всего лучше изображал Муссолини. "Все покатывались со смеху".

Это не очень интересно. Однако иногда, по словам Митфорд, он подражал самому себе! Как правильно говорит видевшая его вблизи дама, это бросает на фюрера новый свет. Какой же "фанатик", если весело-шутливо воспроизводит свои собственные фантастические речи!

"ДЕТКИ РОДИЛИСЬ"

И все-таки есть нечто малопонятное, почти непостижимое в переговорах, в отношениях между Черчиллем и Сталиным.

Документы теперь напечатаны, письма, шифрованные телеграммы. Мы точно знаем, что сейчас же после капитуляции Германии и даже с того времени, когда эта капитуляция явно стала делом ближайших недель, основным чувством Черчилля был страх, все возрастающий страх, почти ужас перед могуществом СССР: коммунисты могут овладеть всей Европой. Главная его мысль: как этому помешать? Теперь уже совершенно ясно было: нас обманули! Он предвидел, какие последствия будет иметь для Чехословакии и для всего мира занятие Праги советской армией. Едва ли не единственный из власть имущих, он умолял, настаивал, чтобы Берлин взяли американские и английские войска. Требовал этого от Рузвельта, потом от Трумена, от Эйзенхауэра: технически это, по его мнению, было нетрудно, политически — совершенно необходимо.

Не стоит здесь говорить, почему его требования были отклонены, — это достаточно известно. Сам он приказать английскому командованию не мог: главнокомандующим был Эйзенхауэр; да и независимо от этого вес Англии все понижался: к концу войны ее вооруженные силы были втрое меньше американских, почти всю тяжесть войны несли на себе Соединенные Штаты, и если его воля имела все-таки гораздо больше значения, чем генерала де Голля, то это преимущественно было основано на его огромном личном авторитете. — Он не добился ничего. О том, каково было тогда состояние его нервов, можно судить по его истинно поразительной секретной телеграмме генералу Исмею от 27 мая 1945 года: он требовал, чтобы хоть воздушный флот оставался в боевой готовности: "это даст нам возможность действовать на коммуникационные линии советских армий, если они решатся двинуться дальше, чем условлено". Так он писал через три недели после окончания войны с Германией! — Просто не могу понять, как он теперь разрешил опубликовать эту телеграмму.

И тем не менее...

Черчилль говорил американскому издателю (от которого я это слышал), что в своих воспоминаниях он не скажет всей правды и не может сказать. Тут, конечно, и спора нет:

нет вообще таких воспоминаний, особенно политических, где была бы сказана вся правда. Черчилль, верно, не сказал и половины правды. Его воспоминания имеют огромную ценность благодаря обилию фактов и документов. Суждений о людях в них нет, или же они банальны и очень мало интересны. Очевидно, об этом он предпочел умолчать. Тут еще полбеды. Но тон многих его глав удивителен. Это тон просто-душной старушки, верящей всему, что она говорит.

18 июля 1945 года в Потсдаме Черчилль обедает наедине со Сталиным. Это была их первая встреча после победы над Германией, после кончины Рузвельта (добавлю: и после секретных телеграмм Идену и генералу Исмею). Обед продолжается пять часов. На этот раз не было тостов, нет и сведений о напитках. Беседа спокойная, дружеская, задушевная. В Англии ожидают результаты выборов (повлекших за собой падение кабинета Черчилля). Черчилль почти уверен в своей победе, но только почти. Он в Германии ласково беседовал с английскими солдатами, они были с ним очень милы, пели в его честь "For he is a Jolly good Fellow", но поглядывали на него смущенно: "Кажется, они в большинстве голосовали против меня". Сталин успокаивает своего гостя: какое же может быть сомнение? Конечно, вы победите, по моим сведениям, вы получите большинство голосов. Он выражает также радость по тому поводу, что в Англии монархическая форма правления, ведь на ней держится единство британской империи. Как жаль, что ваш король не приехал в Берлин. — Со своей стороны Черчилль чрезвычайно рад тому, что Россия стала и великой морской державой, он горячо желает, чтобы русские суда плавали по всем океанам. Сам поднимает вопрос о Дарданеллах и конвенции Монтре, — говорит (правда, тут несколько неопределенно), что и об этом можно будет поговорить. Да и почему только Дарданеллы? Вы должны также иметь доступ к Кильскому каналу. А то Россия, при двух узких выходах из Балтийского и Черного морей, похожа на великана, которому забили бы обе ноздри. Необходим вам и выход к теплой части Тихого океана. Вообще можно поговорить обо всем.

Что было бы, если б в столовой находился детектор лжи? Быть может, этот инструмент показал бы, что за все пять часов оба собеседника не сказали друг другу ни одного слова правды? Однако я в этом не вполне уверен. Допускаю, что Черчилль и в самом деле хоть немного надеялся на соглашение, — он и теперь ведь об этом думает: вдруг? кто может знать?

Как раз накануне, в Потсдаме, американский министр Стимсон передал Черчиллю записочку. В ней было всего три слова: "Детки благополучно родились". Разумеется, первый министр ничего не понял: какие детки? Оказалось, это значило: у американцев, наконец со вчерашнего дня есть атомная бомба!

Черчилль был совершенно поражен. Говорит, что это было полной для него неожиданностью. Он знал, конечно, что в Америке ведутся исследования, что тратятся сотни миллионов, но, по-видимому, плохо верил в возможность грандиозных результатов. Это было одним из самых сильных впечатлений всей его жизни. Прежде всего атомная бомба означала близость полной победы и над Японией. Он ценил японских солдат, кажется, еще выше, чем германских. Да и в самом деле, на Окинаве японский гарнизон составлял около ста тысяч человек; из них девяносто тысяч (случай неслыханный в военной истории) выстроились в последний день — и в строю покончили с собой; да еще было 1.900 летчиков-самоубийц (камикадзе): эти бросались на американские суда и таким способом тут же взрываясь, потопили 34 миноносца, вывели из строя еще множество судов. Что же будет, когда такие люди будут защищать подступы к Токио!

Но было еще и другое. Ему очевидно, тогда с полной ясностью представилось, что будет с Англией, когда те же детки родятся у СССР. Не лучше ли сговориться со Сталиным, хотя бы и очень дорогой ценой?

Предстояло и маленькое удовольствие. Он и Трумен долго совещались, как и когда сообщить Сталину об атомной бомбе. Сообщил, естественно, президент. Тут в Черчилле сказался писатель: "Я стоял, быть может, в пяти метрах от

них и с величайшим вниманием прислушивался к их сенсационному разговору... Вижу по сей день эту сцену, как если бы она произошла вчера. Сталин казался восхищенным: новая бомба! Необычайной мощи! Какое счастье!

У меня было в тот момент впечатление, а потом и уверенность, что он не имел ни малейшего понятия о важности сообщенного ему факта", — пишет Чречилль. Это уже не совсем понятно. Разумеется, Сталин не имел такого воображения, как он, не сразу понял и все значение взрыва первой атомной бомбы. Но "не иметь ни малейшего понятия" он никак не мог, — отсылаю к ценной книге Оливера Пайлата о советском шпионаже в Америке, добывавшем атомные секреты.

С некоторым основанием позволительно утверждать, что атомная бомба могла появиться в СССР в то же время, что и в Соединенных Штатах. В России, как и в других странах, еще до войны были ученые, смутно предвидевшие значение нуклеарных исследований. Первый циклотрон был создан знаменитым американским ученым Лоуренсом, но, согласно Джеральду Остеру, вскоре после этого открытия советское правительство отпустило деньги на постройку циклотрона в России. Об атомной бомбе тогда не думали и на Западе. Исторический опыт Штрасмана был произведен в Германии в 1938 году. Эйнштейн утверждал, что Штрасман не понял значения своего опыта. Сам Эйнштейн, как известно, в своем — тоже историческом — письме к Рузвельту говорил, что уран может дать новый мощный источник энергии "в близком будущем". Однако несколькими годами позднее он писал: "Я на самом деле не предвидел, что она (атомная энергия) будет освобождена в мое время. Я только считал это теоретически возможным".

Все тут было лотереей: кто первый? В отличие от Рузвельта Гитлер во время войны отпустил на нуклеарные исследования гроши — и назначил распорядителем члена национал-социалистической партии, военного капельмейстера Шумана. Сталин деньги давал, однако из бежавшей в СССР задолго до войны группы германских физиков — евреев и неевреев (как я слышал, среди них были люди, близкие к Штрасману) — не

которые были расстреляны в пору чисток 1937 года, а другие (за одним, кажется, исключением — Ланге), были любезно выданы гестапо в 1939 году, после договора с Риббентропом.

О ДРУГИХ ПРЕМЬЕРАХ

Не все британские первые министры были похожи на Черчилля. Где до него Питту, Гладстону, Дизраэли, Ллойд-Джорджу!

Американская журналистка Вирджиния Коульс в годы войны и в годы, ей предшествовавшие, изъездила Европу, говорила с знаменитыми государственными деятелями. Разговаривала с Невиллем Чемберленом тотчас после Мюнхена, откуда он привез "почетный мир". Это было время величайшего триумфа, на него тогда молилась чуть не вся Англия. В лондонских кондитерских выставлялись в его честь сахарные зонтики. Британские магазины печатали в газетах объявления с выражением ему глубокой признательности народа.

Чемберлен сказал журналистке много ценного. Сказал, что популярность Гитлера в Германии начинает падать. Сообщил, что национал-социалистические дружинники СС устраивали в Мюнхене ему, Чемберлену, овации, — это произвело на него сильнейшее впечатление.

Митфорды же говорили, что Чемберлен чрезвычайно понравился Гитлеру. По-видимому, ему нравились многие его гости. После приезда Молотова в Берлин Деканозов докладывал Кремлю: "Очень понравился Гитлеру товарищ Молотов". После Годесбергской встречи фюрер, по словам Митфордов, называл главу английского правительства "дорогим стариком" и был "почти потрясен" тем, что дорогой старик принял для встречи с ним утомительное путешествие. Собирался отдать ему визит и добавлял: "Я знаю англичан. Они мне на аэродроме устроили бы прием с двенадцатью архиепископами".

Одно, впрочем, ему не понравилось: Чемберлен любил охоту. Гитлер прямо сказал старику, что не может этого понять: "как можно проявлять такую жестокость, — убивать птиц!

Госпожа Коульс тогда приехала из Чехословакии. Чемберлен спросил ее: "Скажите, было ли у вас впечатление, что у чехов осталась некоторая горечь в отношении Англии?"

Тем не менее американская журналистка уверяет, что ум у британского премьера был "живой и юмористический". Я раз слышал: в Лондоне его длинную речь.

Если же верить германским генералам (а в настоящем случае они, по-видимому, говорят чистую правду), Чемберлен тогда спас Гитлера. Гальдер, Браухич, Витцлебен, Бек были убеждены, что нападение на Чехословакию повлечет за собой мировую войну, и твердо решили на это не идти. У них происходили тайные совещания в Целендорфе. Было постановлено произвести вооруженный переворот и "убрать" фюрера. Как раз во время последнего, окончательного совещания пришло известие, что Чемберлен и Деладье едут в Мюнхен.

— Я тотчас отменил приказ о восстании, — показал Гальдер на Нюрнбергском процессе. — У нас отняли самую основу для нашего дела.

— Значит ли это, — спросил председатель суда, — что если бы господин Чемберлен не отправился в Мюнхен, то ваш план был бы осуществлен и Гитлер был свергнут?

— Я могу только сказать, что план был бы осуществлен. Никто не знает, удался ли бы он, — ответил бывший начальник генерального штаба.

Если не все, то большинство германских генералов ненавидели Гитлера. Нет таких ужасных слов, которых они бы о нем не говорили в своем кругу (сужу и по дневнику фон Гасселя), особенно фон Гаммерштейн, Гальдер и фон Фитцлебен.

Были и исключения. К ним принадлежал генерал-фельдмаршал фон Манштейн. Он долго был любимцем фюрера, которому поддал мысль о Седанском прорыве. Гитлеру не повезло: впоследствии стало известно, что настоящая фамилия Манштейна — Левинский. Он ребенком был усыновлен четой фон Манштейнов.

О ГИТЛЕРЕ И О ЕГО РАЗВЕДКЕ

Гитлер не очень собирался свергать в России коммунистический строй. Ульрих фон Гассель, бывший германский посол в Риме, впоследствии казненный по делу о заговоре 1944 года, сообщает в своем дневнике:

Фюрер сказал фон Папену (который это и передал Гасселю), что дойдет (в России) только до определенной географической границы, а потом можно будет сговориться со Сталиным: "Он все-таки великий человек и осуществил вещи неслыханные", — сказал Гитлер. Сталин был тоже очень высокого мнения о фюрере, во всяком случае, более высокого, чем о своих демократических союзниках.

Гораздо удивительнее, что из казненных участников заговора некоторые тоже были за "ориентацию" на Сталина, особенно граф Шуленбург. Большинство было за соглашение с Черчиллем и Рузвельтом. Сам Ульрих фон Гассель занимал среднюю позицию. Предпочитал Англию и Соединенные Штаты, но говорил: "Возможность "перемены" фронта" в сторону востока должна быть дополнением".

Гитлер по-настоящему ненавидел генералов, за исключением, кажется, летчиков. "У меня национал-социалистическая авиация, христианский флот и реакционная армия", — говорил он. По словам Гасселя, главнокомандующий, фельдмаршал Кейтель, на вопрос о положении на фронте, заданный ему в 1942 году генералом Ольбрихтом, ответил: "Я ничего об этом не знаю, он мне ничего не говорит, он только плюет мне в глаза!" По совпадению, как раз к шестидесятилетию Кейтеля, "в бурном припадке ярости Гитлер его вышвырнул".

Симони, присутствовавший на военно-политическом совете у фюрера, говорит, что это походило на спиритический сеанс. Под конец совета Гитлер закрыл глаза и стал размышлять. Тотчас наступило глубокое молчание. Один из итальянцев что-то сказал, все оглянулись на него с раздражением. Опять наступила тишина. "Сейчас, сейчас решение, — шепнул Гетцдорф. Действительно, глаза у Гитлера стали медленно расширяться" и т.д.

Приказ о войне был им отдан в два часа дня; через четыре часа, в 6.15, отменен "мир спасен на двадцать лет!", — восторженно восклицает Канарис; затем снова отдан. Министры даже не были созваны. В промежутке у фюрера "страшный нервный припадок", — пишет Госсе. Припадок кончился в 5.30.

По-видимому, он слышал "голос". Как в день покушения в мюнхенском погребе. На следующий день после покушения Гитлер сам сообщил, что во время своей речи услышал голос: "Уходи... Уходи"... — "Я не мог сопротивляться и ушел". Через несколько минут после того погреб был густо залит кровью.

Плотник Эльсер, поставивший в погребе бомбу с часовым механизмом, был скоро схвачен. Он не был казнен и не подвергался пыткам. Его устроили в Дахау (вместе с пастором Нимеллером) в особом павильоне, отвели ему две комнаты, дали даже гитару: астролог сказал Гитлеру, что его жизнь связана с жизнью Эльсера. Так Эльсер прожил еще несколько лет. Только перед самым концом, когда он уже, очевидно, решил покончить с собой, фюрер велел убить плотника — и объявить, что он погиб от бомбардировки.

Астролог ли или голос продиктовали один из первых приказов после начала войны: истребить в Польше евреев, католическое духовенство и знать? Канарис и Лахузен отправляются к Кейтелю и сообщают ему, что исполнение этого приказа опозорит германскую армию. Кейтель уклончиво отвечает, что таков приказ фюрера, — "он мне иногда сообщает свои приказы, иногда нет". Впрочем, фюрер наперед добавил, что если армии это неудобно, то дело будет поручено гестапо и дружинникам.

Адмирал Канарис, глава военной разведки, впоследствии тоже замученный в застенке гестапо, объезжал в 1940 году германских фельдмаршалов и генералов, убеждая их подать Гитлеру протест против зверств, совершавшихся дружинниками СС в Польше. На это согласился даже Рейхенау, член национал-социалистической партии. Отказался наотрез генерал фон Паулюс, тогда еще не фельдмаршал, — теперь люби-

мец и союзник коммунистов. Он считал действия Гитлера правильными. "Канарис доложил об этом своей группе с глубочайшим возмущением", — говорит его биограф Карл Абсханген.

Тот же Абсханген сообщает (об этом, впрочем, говорилось и на Нюрнбергском процессе), что Гитлер через фельдмаршала Кейтеля 23 декабря 1940 года отдал Канарису приказ об убийстве генерала Вейгана, находившегося тогда в северной Африке: опасался, что генерал может реорганизовать французскую армию. Канарис сообщил о приказе своим ближайшим сотрудникам по разведке: генералу Остеру, полковнику Пикенброку, Лаузену и Бентивеньи. Все резко протестовали. Было единогласно решено не приводить приказа в исполнение.

Так же был саботирован разведкой другой приказ фюрера: "живым или мертвым" захватить и доставить бежавшего во Францию из плена генерала Жиро. Полковник Бикенброк, человек вспыльчивый, сказал Канарису:

— Надо раз навсегда попросить господина Кейтеля довести до сведения его господина — Гитлера, что военная разведка не общество убийц вроде дружинников СС.

В форме более приемлемой это и было доложено фельдмаршалу.

Как водится, в Германии военная разведка ненавидела политическую полицию, а полиция — разведку (то же самое, конечно, происходит и в СССР), и тоже, как водится, общие дела были. Одним из них была "операция Пасториус".

Гитлер предписал отправить на подводной лодке в Соединенные Штаты десять тайных агентов для разных видов саботажа. Организация дела была поручена разведке, но людей намечало гестапо из дружинников. Их нашли. В последнюю минуту осталось девять — десятый заболел. Они высадились на западном побережье — и тотчас были арестованы американскими властями.

Как все, я живо помню необычайную сенсацию. Помню аршинные заголовки нью-йоркских газет: "Девять немецких агентов тайно высадились в Соединенных Штатах и тотчас

схватены". "Бдительность нашей береговой стражи"... "Огромный успех наших властей" и т.д. Бдительность и заслуга были действительно велики, но они заключались в другом, и для некоторых людей в Вашингтоне дело особенной сенсацией не было: двое из высадившихся немцев состояли на службе американской контрразведки и ее обо всем заблаговременно осведомили. Об этом после войны рассказал немецкий биограф Канариса, очевидно, от него это и знавший. В американской мемуарной литературе мне это указание не попадалось.

Гитлер вызвал к себе Канариса и осыпал его иступленной бранью: почему дело было так плохо организовано, почему он выбрал столь неподходящих агентов и т.д. В числе упреков был и один довольно неожиданный: почему он не назначил для этого дела евреев! Канарис мог бы ответить, что евреев было бы трудно найти среди национал-социалистических дружинников. Он этого не сказал: по-видимому, уже в ту пору считал фюрера душевнобольным. Но своим ближайшим сотрудникам объявил, что Гитлер приказал ему принимать евреев в разведку. Немедленно он несколько евреев и пригласил, выдал им заграничные паспорта, — они таким образом спаслись. Гестапо долго было в изумлении. Но Кальтенбрунер обратился за разъяснением к фюреру, и "приказ" был отменен.